

УДК 364.4; 94

Мусульманская благотворительность в Петропавловске в XIX – начале XX в.

П. С. Шаблей,

*Костанайский филиал Челябинского
государственного университета,
г. Костанай, Республика Казахстан*

Muslim charity in Petropavlovsk in the 19th – early 20th century

P. S. Shabley,

*Kostanay branch of Chelyabinsk State
University,
Kostanay, the Republic of Kazakhstan*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития мусульманской благотворительности в Петропавловске в XIX – начале XX в. Этот город был одним из крупных центров мусульманской культуры Российской империи. В регионе было много промышленных и торговых предприятий. Некоторые из них принадлежали влиятельным мусульманским купцам. Все это оказывало положительное воздействие на рост благотворительных пожертвований в пользу местных мусульманских институтов. В Оренбургском магометанском духовном собрании было зарегистрировано девять вакфов. Жители Петропавловска стремились реагировать на вызовы современности. В начале XX в. осуществлялись попытки по учреждению попечительских советов. Однако эта реформа не имела успеха. Бюрократические проблемы, с одной стороны, и конфликты между представителями мусульманского общества, с другой, не способствовали широкому распространению института попечительства. Несмотря на то, что значительную часть мусульманского населения Петропавловска представляли татары, казахи, тем не менее, не были маргинальным обществом. Постепенно они интегрировались в экономическую и культурную жизнь региона. Роль мусульманской благотворительности в некоторых казахских общинах также была фактором их прогрессивного развития. В годы февральской и октябрьской революций и Гражданской войны мусульмане столкнулись с целым рядом трудностей общественного, экономического и культурного характера. Тем не менее, местные общества не только находили дополнительные средства для поддержки своих институтов, но и оказывали помощь властям, направленную на нужды городского хозяйства и фронта.

Abstract

The article considers the peculiarities of the development of Muslim charity in Petropavlovsk in the 19th – early 20th century. The city was one of the major centers of Muslim culture in the Russian Empire. There were many industrial and commercial enterprises in the region. Some of them belonged to influential Muslim merchants. All this had a positive impact on the growth of charitable donations to local Muslim institutions. Nine waqfs were registered in the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. The population of Petropavlovsk tried to respond to the challenges of modernity. In the early 20th century, attempts were made to establish boards of trustees. However, this reform remained unsuccessful. Bureaucratic problems and

conflicts between representatives of the Muslim society discouraged the widespread occurrence of charitable institutions. Although Tatars represented a significant part of the Muslim population of Petropavlovsk, the Kazakhs were not a marginal society. They gradually integrated into the economic and cultural life of the region. The role of Muslim charity in some Kazakh communities was also a factor in their progressive development. During the February and October revolutions and the Civil War, Muslims faced certain social, economical and cultural problems. Nevertheless, local societies both found additional funds to support their institutions and provided assistance to the needs of the urban economy and the front.

Ключевые слова

Вакф, попечительский совет, Оренбургское магометанское духовное собрание, мектеб, медресе, махалля.

Keywords

Waqf, board of trustees, the Orenburg Muslim Spiritual Assembly, maktab, madrasah, mahalla.

Петропавловск в XIX – начале XX в. превратился в крупный экономический и культурный центр Казахской степи. Город находился на пересечении важных торговых путей, соединяющих Среднюю Азию, Сибирь и внутренние губернии Российской империи. Так, в 1848 г. в Петропавловск было привезено товаров на сумму 938 792 рубля. Это больше чем в других городах и таможенных пунктах Сибирской военно-укрепленной линии¹. Интенсивное развитие региона способствовало стремительному росту его населения. В 1901 г. в Петропавловске проживало 8 950 мусульман: 6 517 татар, 2 154 казаха и 279 сартов и бухарцев². Согласно переписи населения 1897 г., около 40 % татар занималось торговой деятельностью. Татарским купцам и предпринимателям принадлежало много промышленных и торговых заведений города³.

Социально-экономическое развитие Петропавловска оказывало существенное влияние на его религиозную жизнь. Перед октябрьской революцией 1917 г. в городе было восемь мечетей: 6 татарских и 2 казахских⁴. Кроме этого, имелась чалаказахская⁵ махалля, у которой не было своей мечети. Каждая татарская мечеть обладала собственным мектебом и медресе⁶. Мусульмане Петропавловска вместе со своими единоверцами из других регионов Казахской степи и Сибири не получали каких-либо отчислений из земства и государственной казны⁷. Поэтому положение их исламских институтов зависело, как правило, от благотворительных пожертвований.

В статье речь пойдет об особенностях развития мусульманской благотворительности в Петропавловске. Нам предстоит ответить на ряд вопросов: Каким образом регистрировались и оформлялись вакфные пожертвования? Как местная вакфная система адаптировалась к правовым изменениям второй половины XIX? Отличалась ли ситуация с вакфом в Петропавловске от других регионов Казахской степи? Почему попечительские советы не получили широкого распространения в Петропавловске? С какими трудностями столкнулись мусульмане, учреждая попечительства в начале XX в.? Можно ли говорить о том, что казахи и чалаказахи не были сильно интегрированы в социально-экономическую и культурную жизнь города и, поэтому они не имели возможности активно развивать свои общества? Какие изменения в функционировании мусульманской благотворительности произошли в ходе революционных событий 1917 г. и Гражданской войны 1918-1922 г.?

Вакф в округе Оренбургского магометанского духовного собрания и его региональные особенности

Функционирование вакфов в округе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС=муфтиат), как показывает исследование Д. Д. Азаматова, не было строго регламентировано. С одной стороны, это было связано с бюрократическими трудностями – отсутствие механизмов эффективного взаимодействия между муфтиатом

и многочисленными мусульманскими общинами (махалля)⁸, с другой стороны, заметную роль играла политика империи, преследующая цель уменьшить вакфные владения в Средней Азии и Крыму. Только в 1891 г. Министерство внутренних дел (МВД) поставило вопрос о необходимости разработать законопроект «по приему, сохранению и использованию пожертвованных частными лицами в пользу мечетей материальных ценностей и денег»⁹. Так, в нашем распоряжении есть документ, представляющий собой служебную записку ОМДС, адресованную МВД. В этой записке, составленной в 1894 г., в частности, сообщается, что вакф в округе ОМДС имеет следующие особенности: состоит не только из недвижимых имений (как в Крыму, находившемся в юрисдикции Таврического магометанского духовного собрания. – П. III.), но также из движимых и денежных капиталов; вакфы должны управляться мутавалиями (попечителями), назначенными ОМДС согласно желанию самого благотворителя. В том случае, если такое желание не выражено, то мутавалиям становится один из потомков учредителя вакфа или лицо, специально избранное прихожанами мечети. Интерес здесь представляет и другая особенность – стремление ОМДС усилить свой контроль над этим видом мусульманской благотворительности. Документ указывал на необходимость обязательной регистрации вакфа в канцелярии муфтиата. Кроме этого, мутавалии в своей деятельности должны были руководствоваться инструкциями, полученными от ОМДС. При возникновении сомнительных случаев им следовало незамедлительно обращаться в муфтиат, а также ежегодно отчитываться о своей деятельности¹⁰. Появление подобного рода регламента в конце XIX в. отражало, на наш взгляд, не только особенность того, что ОМДС пыталось выйти из-под опеки других правительственных инстанций. Например, Министерства народного просвещения, которое стремилось поставить под контроль мусульманские школы¹¹. В большей степени это был ответ на многочисленные петиции и прошения, жалобы и недовольства мусульман, связанные с критикой деятельности ОМДС и требованием серьезной реформы мусульманских институтов¹².

Еще более значительные диспропорции наблюдались в Казахской степи, которая в 1868 г. была исключена из юрисдикции ОМДС. Эта реформа предусматривала также и другие изменения – запрет на учреждение вакфов¹³. Однако реальность была такова, что эти нормативные положения не всегда соблюдались. Буква закона нарушалась не только самими жителями Казахской степи, но и имперскими чиновниками. Если в Семипалатинске термин «вакф» исчезает из официальных (имперских) документов и заменяется категорией гражданского права «дарение»¹⁴, то в Петропавловске в период со второй половины XIX в. – вплоть до 1917 г. ОМДС регистрирует девять вакфов¹⁵. И это при том, что в округе оренбургского муфтиата документально было оформлено только 87 вакфов¹⁶.

Таблица № 1.

**Вакфные пожертвования в городе Петропавловске
во второй половине XIX – начале XX вв.***

Учредитель вакфа/ благотворитель	Сумма/вид пожертвования	В пользу какой мечети
Петропавловский купец 2-й гильдии Сейфетдин Мустаев	5 тысяч рублей	Петропавловская нагорная мечеть – 1 мечеть
Петропавловский купец Нурмухаммед Забиров	14 тысяч рублей, здание для мечети и 4 каменные лавки	Петропавловская нагорная мечеть – 1 мечеть

* Таблица составлена по данным: Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX века. – Уфа, 2000. – С. 36-37; Махмутов З. А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. – Казань, 2015. – С. 20-26; РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 621, л. 203-204; д. 937, л. 117, 124, 200, 221; Вакыт. – 1909. – № 473. – Б. 3; Баруди Г. Кызыльяр сәфәре. – Казан, 2004. – Б. 86-99.

Вдова Чиклинского купца Сыр-дарьинской области Мухаммедлатифа Мухаммедшарифова Бибизулейха Баязитова	4 тысячи рублей	Петропавловская подгорная мечеть – 2 мечеть
Мещанин г. Петропавловска Ибрагим Тойматов	Часть дворового места	Петропавловская подгорная мечеть – 2 мечеть
Купец Курбанбай Джалтыров ¹⁷	1 тысяча рублей	3 мечеть
Купец Михарбан Таштемиров	Каменная лавка	3 мечеть
Потомственный дворянин Мухаммеджан Давлеткильдеев	5 каменных лавок	4 мечеть
Потомственные дворяне Мухаммеджан и Мирхайдар Давлеткильдеевы	Каменное медресе	4 мечеть
Петропавловский купец 2-й гильдии Динмухаммед Бикчурин	4 000 рублей	5 мечеть

Сложившуюся ситуацию с вакфом в Казахской степи можно назвать колониальной гибридной, которая по сути означает неопределенность имперской трансформации. Чиновники понимали, что реальный запрет вакфов означал подрыв исламских институтов в регионе, а значит – и политической стабильности, ухудшение отношений с мусульманскими купцами, которые оказывали значительное влияние на развитие государственной экономики. Кроме этого, администраторы разного уровня не очень-то разбирались в особенностях мусульманского права, чтобы эффективно препятствовать общинной благотворительности. В итоге мусульмане сохраняли слабо регулируемую государством вакфную сферу, способствующую развитию региональной экономики¹⁸.

Почему мусульмане Петропавловска в отличие от некоторых других регионов Казахской степи стремились регистрировать вакфы в ОМДС? Мусульманские общины этого города были хорошо интегрированы в институциональную модель, призванную регламентировать ислам. Мемории ОМДС свидетельствуют о том, что жители Петропавловска регулярно обращались в Духовное собрание по различным вопросам¹⁹. Еще одно предположение связано с тем, что мусульмане, учреждая вакф, боялись всяких спекуляций – не только со стороны своих единоверцев, но и имперских чиновников. Так, Паоло Сартори убедительно показал, что в оседлых регионах Средней Азии мусульмане часто использовали имперские учреждения для того, чтобы аннулировать вакф своих недоброжелателей, уповав на некомпетентность чиновников в сфере шариата²⁰. Именно поэтому ОМДС становилось гарантом правил соблюдения шариата, обеспечивая, тем самым, стабильность и устойчивое развитие местных исламских институтов. Еще один немаловажный нюанс заключается в том, что местные ученые (‘алим) имели прочные связи со своими единоверцами из Волго-Уральского региона. Эта связь укреплялась благодаря взаимодействию учителей и учеников, обмену идеями на страницах прогрессивных татарских газет и журналов, формированию суфийской линии преемственности (силсила), распространению мусульманской книжной культуры и др.²¹

Рассмотрим особенности петропавловского вакфа на примере второй мечети. Эта мечеть была построена в 1857 г. в подгорной части города на средства Ибатуллы Баязитова, который был уроженцем деревни Менгер Казанской губернии²². В 1885 г. его внучка Бибизулейха Баязитова пожертвовала в пользу мечети 4 тысячи рублей. Эти деньги были положены в Петропавловский общественный банк. От этой суммы следовало ежегодно брать проценты и тратить их на нужды второй мечети: ремонт, покупка дров и свеч, внешнее благоустройство. Если данные средства не могли быть

Ахун Габдельвахаб Яушев с русским купцом. Из личного архива Р. Акчуриной.

Akhun Gablelvakhab Yaushev with a Russian merchant. From R. Akchurina's private archive.

израсходованы полностью, то остаток можно было разделить между имамом и муэдзином. По желанию Бибизулейхи Баязитовой, мутаваллием вакфа стал петропавловский купец Хусаин Бикбов. После смерти этого купца ОМДС уполномочило ахуна Габдульвахаба Яушева, который был также имамом второй мечети, заниматься делами данного вакфа²³. В 1907 г. вторая мечеть получает еще один вакф. На этот раз в пользу мечети была выделена часть дворового места, принадлежавшего петропавловскому мещанину Ибрагиму Тойматову. Процедура оформления этого пожертвования была в значительной степени бюрократизирована. Прежде всего, ахун Габдульвахаб Яушев обратился в ОМДС с прошением зарегистрировать новый вакф. Муфтиат, в свою очередь, отправил прошение в МВД с просьбой разрешить принять пожертвованный участок. МВД сделало запрос на имя акмолинского губернатора В. С. Лосевского с предписанием представить подробные обстоятельства этого дела. И только после того,

как местные чиновники не нашли ничего противозаконного, ходатайство ОМДС было поддержано²⁴.

Ситуация с вакфом в Петропавловске и в особенности рост такого рода пожертвований в конце XIX – начале XX в. были следствием активного развития капиталистических отношений в Российской империи и региональной экономики, в частности. Важную роль в этих процессах играли татарские купцы. Не вызывает удивления также и то обстоятельство, что регионы Казахской степи продемонстрировали разное отношение к имперскому законодательству, связанному с ограничением развития мусульманских институтов и вакфной системы. Несмотря на такого рода препятствия мусульмане продолжали регистрировать вакфы в ОМДС, а имперские чиновники вынуждены были игнорировать эти факты, чтобы не обострять политическую и экономическую ситуацию в Казахской степи. С другой стороны, вакф в Петропавловске и в особенности в Семипалатинске является свидетельством того, что местные общества не только использовали разнообразные возможности для выстраивания гибких моделей взаимодействий с имперской властью, но и обладали определенной автономией в финансировании местных институтов.

Попечительские советы: веяния современности и местные ограничения

В начале XX в. мусульманские общины Российской империи сталкиваются с необходимостью создания коллегиальных институтов, сфера деятельности которых в основном была связана с решением следующих вопросов: контроль над благотворительными пожертвованиями, урегулирование разных проблем в области образования, защита интересов своего общества в имперских административных и судебных учреждениях и др. Эти институты стали называться попечительскими советами. Особенности экономической жизни махалли и региональной экономики

в целом, конечно, были главной причиной появления такого управленческого и координирующего органа²⁵.

Каким образом дело с учреждением попечительских советов обстоит в Петропавловске? Так, в прошении, составленном прихожанами третьей мечети говорилось, что 25 сентября 1915 г. они избрали в качестве попечителей следующих лиц: имама Мухаммеджана Бегишева, бухарца Петропавловского уезда Полуденской волости сына строителя мечети Мухаммедкабира Джалтырова, петропавловского купца Мухаммедкамаля Шамсутдинова, бухарца Полуденской волости Сапахана Нурумова. Попечительский совет, состоящий из этих лиц, должен был действовать три года. В обязанности попечителей входило: 1) составить полную опись движимого и недвижимого имущества мечети, мектеба и медресе; 2) распоряжаться средствами, движимым и недвижимым имуществом, пожертвованными в пользу мечети, медресе и мектеба; 3) принимать добровольные пожертвования необходимые для содержания и ремонта мусульманских институтов; 4) вносить денежные суммы на текущий счет в банке и получать с них проценты; 5) в случае необходимости приобретать для нужд мечети и учебных заведений движимое и недвижимое имущество; 6) вести судебные и административные дела, связанные с интересами мусульманской общины; 7) о приходе-расходе денежных сумм ежегодно отчитываться собранию махалли и ОМДС²⁶. Таким образом, мы видим, что попечительский совет обладал широкими полномочиями и фактически координировал всю религиозную, общественную и экономическую жизнь махалли. Если раньше попечителем был, как правило, местный имам или кто-то из спонсоров-строителей мечети, то в начале XX в. мусульмане осознают необходимость четко контролировать средства от благотворительности и вести строгую отчетность²⁷. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что попечительский совет формируется с учетом гетерогенного характера самого мусульманского общества. Фактически такой подход позволял снизить степень напряженности и конфликтности в отношениях между разными социальными и этническими группами, которые могли бороться друг с другом за обладание ресурсами власти в местных сообществах²⁸.

Другой важный момент заключается в том, что несмотря на осознание важности попечительских советов, порядок их открытия и регистрации носил неясный характер как для самих мусульман, так и для имперских чиновников. Причина была простой – отсутствие в законодательстве специальных правил и положений, регламентирующих деятельность такого рода учреждений. Все это в итоге приводило к излишней бюрократизации и рутинизации. Перейдем к примерам. Несмотря на то, что прошение прихожан об образовании попечительского совета при третьей

*Мухаммеджан Бегишев.
Из личного архива З. Махмудова.*

*Mukhammedzhan Begishev. From
Z. Makhmutov's private archive.*

мечети Петропавловска было составлено еще в сентябре 1915 г. и затем направлено на утверждение Акмолинского губернатора Д. Г. Явленского, де-юре данный институт так и не приступил к своим обязанностям в текущем году. Губернатор не торопился с ответом. Он решил разобраться с некоторыми деталями – прежде всего его интересовала политическая благонадежность попечителей. Поэтому чиновник 2 ноября 1915 г. обратился за отзывом к петропавловскому полицмейстеру. Глава местной полиции не стал осложнять дело с утверждением попечителей и дал положительное заключение. После этого местные власти потребовали от ОМДС разъяснить им правовые положения в соответствии с которыми должен был действовать попечительский совет²⁹. ОМДС, обремененное целым рядом других обязанностей и обширной перепиской с разными административными и правительственными инстанциями³⁰, ответило только в мае 1916 г. Однако этот отклик не содержал каких-то конкретных пояснений и ссылок на правовые нормы. Служебная записка ОМДС носила двусмысленный характер. С одной стороны, муфтиат полностью поддерживал идею учреждения попечительских советов, так как они будут способствовать правильному ведению хозяйственных дел. С другой стороны, ОМДС, уклонялось от какой-то ответственности или инициативы в этом вопросе и заявляло, что открытие попечительских советов должно зависеть от местных имперских властей³¹. Этот ответ, очевидно, не разрешил сомнений акмолинского губернатора. Имперская панисламистская риторика, проявившая себя заметным образом и в Петропавловске, усиливала разного рода подозрения и опасения³². Губернатор решил перестраховаться и обратился в июле 1916 г. с вопросом об учреждении попечительского совета в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД. Решение этой правительственной инстанции на удивление оказалось чрезвычайно мягким. Департамент указывал на необходимость действовать по обстоятельствам и в целом не препятствовать открытию такого рода учреждений³³. Правовая неопределенность и даже бюрократическая непоследовательность не обязательно свидетельствуют о слабости имперского управления по отношению к мусульманам. Скорее это говорит о том, что империя вынуждена была поддерживать те или иные исламские институты, которые играли важную роль в развитии региональной экономики. Одновременно с этим немаловажную роль играл вопрос по обеспечению стабильности и порядка в гетерогенных мусульманских обществах. К тому же большое значение приобрел курс по либерализации законодательства по отношению к мусульманам. Репрессивные меры по отношению к тем или иным мусульманским институтам могли восприниматься в качестве нарушения веротерпимости, гарантированной государством³⁴.

Другая сторона развития попечительства заключалась в том, что кроме бюрократических проблем и правовой неопределенности существовали трудности более серьезного характера. Они были связаны с конфликтами и противоречиями в пределах самого мусульманского сообщества. Определенный интерес здесь представляет история, которая произошла в первой махалле Петропавловска. В 1909 г. купец Нурмухаммед Забиров передал в пользу первой мечети большой вакф, включавший в себя отдельное здание, четыре каменных лавки и 14 тысяч рублей³⁵. В 1912 г. прихожане мечети подняли вопрос о выборе попечителей. Причина такого намерения была очевидной – несмотря на наличие такого значительного вакфа, местное общество не смогло им распорядиться. Выбор пользующихся доверием попечителей должен был решить эту проблему. Согласно составленному приговору, попечителями должны были стать Гариф Тойматов, Хамза Тюменев, Сеит Муратов и Амин Мустаев³⁶. Все эти лица были крупными купцами и промышленниками. Так, Х. Тюменеву и С. Муратову принадлежал ряд ведущих предприятий

Петропавловска: пятиэтажная мельница товарищества «Мукомол» и мыловаренный завод. А. Мустаев был совладельцем кожевенного и маслодельного заводов³⁷. Известно также, что Х. Тюменев и С. Муратов курировали дела мусульманских школ других общин города Петропавловска³⁸. Следует предполагать, что избрание таких влиятельных попечителей связано было не только с необходимостью внести порядок в решение хозяйственных вопросов, но и с потребностью привлечь новые капиталы, которые помогут реформировать исламские институты в соответствии с требованиями времени. При первой мечети было два мектеба. В одном преподавание осуществлялось по новому методу (усул ал-джадид). Во втором сохранялась старометодная (усул ал-кадим) система. Подходы к обучению, принятые в этой школе, вызывали возмущение со стороны некоторых мусульман, заставляя их обращаться с жалобами в газеты³⁹.

Избрание попечительского совета не встретило противодействий со стороны имперских властей и ОМДС. Однако в дело вмешались другие факторы. Имам первой мечети Мухаммедгалим б. Ахмадвали не вошел в состав попечительского совета. Более того он не поддержал кандидатуры выбранных попечителей. В итоге затея с учреждением попечительского совета при первой мечети провалилась. В 1913 г. газета «Приишимье», издававшаяся в Петропавловске, констатировала такую картину: за аренду складов денег получать было некому; платить жалованье тоже нечем. Некто Побелянский не может получить 130 рублей за отпущенную известь для мечети, так как не знает с кого получить. Всю зиму передняя половина мечети не отапливалась за неимением денег на покупку дров⁴⁰. Таким образом, мы видим, что наличие необходимых средств, включая большой вакф, не обязательно было ключевым условием, способствовавшим эффективному развитию махалли. Внутренние конфликты и противоречия, связанные с борьбой за власть и ресурсы, зачастую играли более существенную роль. Эти разногласия препятствовали решению жизненно важных проблем: контроль над распределением средств от мусульманской благотворительности, благоустройство исламских институтов, модернизация системы образования и др.⁴¹

А как вопрос с учреждением попечительского совета обстоял в других мусульманских обществах Петропавловска? В особенности в тех, которые не стремились к реформированию своей системы образования. Нам известно, что при второй мечети попечительский совет появился только в 1918 г.² Если это так, тогда кто раньше управлял хозяйственными делами махалли? Было ли это управление эффективным? Есть сведения, что главную роль в этих вопросах играл ахун Габдулвахаб Яушев. Кроме обязанностей мутаваалли вакфа, переданного в пользу мечети Бибизулейхой Баязитовой, он вместе с купцами Х. Тюменевым и С. Муратовым курировал дела одного из местных мектебов. Другим мектебом – женским руководила супруга ахуна Зияя Яушева. Так как попечительского совета при мектебах второй махалли не было, сложно говорить о каком-то всестороннем влиянии купцов-спонсоров на развитие этих учебных заведений. Скорее речь идет о большом разнообразии практик взаимодействия между Яушевыми и купеческими семьями Тюменевых и Муратовых⁴³. Так, газета «Вакыт» в 1914 г. писала, что материальное состояние одного из мектебов Яушевых «не приводит в восхищение». Из-за отсутствия теплой одежды некоторые дети вынуждены в холодное время пропускать занятия. Газета заявляла, что данная проблема связана с отсутствием попечителей. Поэтому должного внимания образованию не уделяется⁴⁴. Хотя прогрессивная мусульманская печать критиковала ахуна Яушева за консерватизм в вопросах мусульманского образования, плачевное материальное положение местных учебных заведений, ограничение прав женщин⁴⁵, следует заметить, что имам второй мечети

играл важную роль в политической и общественной жизни мусульман Российской империи. Он был организатором и участником петиционных кампаний мусульман конца XIX – начала XX в.⁴⁶ Естественно, что такая разноплановая деятельность не всегда позволяла Яушеву уделить должное внимание материальным проблемам собственной махаллы.

Итак, учреждение попечительских советов в мусульманских общинах Российской империи, конечно, было прогрессивным явлением. Появлялась возможность эффективно контролировать средства, полученные от мусульманской благотворительности, а также навести порядок в хозяйственных делах. Кроме этого, попечители в условиях отсутствия устойчивых механизмов институционального влияния (имперские законы, необходимость согласовывать свои решения с местными властями и пр.) могли самостоятельно определять приоритеты развития местных обществ. Однако все эти преимущества, тем не менее, не способствовали быстрому распространению этого института в Петропавловске. Главная причина такого положения дел заключалась не столько в бюрократических формальностях, которые по сути не наносили ощутимого вреда мусульманам. Более важный фактор – это неоднородность мусульманских обществ и, как следствие, периодически возникавший конфликт интересов. В итоге выбор определенных попечителей только обострял социальные противоречия и способствовал дальнейшему расколу общества. В этом контексте отсутствие нормативной базы, регламентирующей деятельность попечительских советов, играло негативную роль – не только ослабляло позиции ОМДС и имперской власти, но и усиливало социальный антагонизм в сложных обществах.

Казахи Петропавловска:

«плохие мусульмане» или прогрессивные общества?

Казахские общества Петропавловска, судя по данным статистики (2 154 человека в 1901 г.⁴⁷), были этническим меньшинством. В особенностях развития культового благоустройства они также уступали татарам. В городе было две казахских мечети. Чалаказахская махалла не имела собственной мечети. Татарский культуртрегерский дискурс артикулировал проблемы казахского общества в Петропавловске, часто используя понятия «невежество», «бедность», «культурная отсталость» и др. В 1913 г. корреспондент газеты «Сибиряк» Мухаммед Наврузов, отмечал, что здание мектеба чалаказахской махаллы было старым, а местное общество очень бедным. Поразило его и отсутствие чистоплотности (пакълек)⁴⁸ среди жителей этой общины⁴⁹. Такой взгляд не должен у нас вызывать удивления. Аналогии подобных описаний мы находим и в других регионах Казахской степи – в Семипалатинске, Атбасаре, Акмолинске⁵⁰. Интересно при этом то обстоятельство, что в казахских источниках второй половины XIX в. идея культурного доминирования татар не принимается в качестве безусловной. Между татарами и казахами, наоборот, разворачивается противостояние за обладание ресурсами власти и доминирования в местных степных сообществах⁵¹.

Случай Петропавловска, тем не менее, не следует рассматривать через призму ряда тенденций характерных для Казахской степи в целом или стереотипных взглядов, присущих определенным авторам. Город и его окрестности были сильно интегрированы в культурное и экономическое пространства Российской империи. Местные мусульмане поддерживали тесные связи со своими единоверцами в Волго-Уральском регионе и Сибири. Казахи здесь не были исключением. Другие источники, например, газета «Вакыт» в 1912 г. восхищалась тем, что среди местной казахской молодежи набирает силу интерес к наукам и просвещению. Эти слова подкреплялись конкретными фактами: если в прошлом в каждом петропавловском

Петропавловск. Фото начала XX в. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://images.app.goo.gl/f39cqHwLJoGmC7QN8>.

Petropavlovsk. The photo of the early 20th century. On-line. Available at: <https://images.app.goo.gl/f39cqHwLJoGmC7QN8>.

медресе обучалось около 80 казахских шакирдов, то в настоящее время не более пяти. Сложившаяся ситуация не связывалась с невежественностью и культурной отсталостью казахского общества. Наоборот, казахи стремились к получению более престижного образования – уезжали учиться в уфимские, казанские и оренбургские медресе⁵². Действительно, среди учащихся этих медресе было много выходцев из Казахской степи⁵³. Однако данные газеты «Вақыт» также не следует идеализировать. Значительную часть казахского населения Петропавловка составляли так называемые джатаки – разорившиеся кочевники, вынужденные жить за счет наемного труда. Это были малоимущие категории населения. Примечательно при этом то обстоятельство, что эти самые джатаки не стремились к культурной и социальной изоляции – будь это другие мусульмане, которые нередко их презирали, или даже русские⁵⁴. Некоторые местные мусульманские учебные заведения, такие как школа Хасана Пономарева, были специально ориентированы на подобного рода контингент. В учебном заведении этого татарского богослова и реформатора (ввел усул ал-джадид) обучались преимущественно дети из бедных казахских семей⁵⁵.

Казахские общины несмотря на свою кажущуюся маргинальность, тем не менее, постепенно преодолевали зоны социально-экономического и культурного отчуждения и активно развивали те институты и формы отношений, которые уже прочно укоренились среди их татарских единоверцев. В этом плане примечательна история благоустройства восьмой махалли. В 1910 г. казахские представители этой общины обратились к местным властям с просьбой выделить им кусок земли для нового медресе. В 1913 г. два казахских бая – Мухаммад Майкутов и Утяш Жарасов, добившись такого разрешения, построили комплекс мечеть-медресе в южной части города. В дальнейшем было выбрано пять попечителей, включая строителей-спонсоров. Все они были из влиятельных и богатых семей. Казахи не стали согласовывать свои решения с ОМДС⁵⁶. В этих действиях, по нашему мнению, нашло отражение не столько стремление следовать имперскому законодательству, исключавшему

казахские общества из юрисдикции муфтиата, а сколько необходимость освободиться от контроля со стороны духовных управлений и указных мулл в распределении доходов от мусульманской благотворительности. Эта тенденция была характерна не только для казахов, но и для татар и других мусульман, проживавших в разных регионах Российской империи⁵⁷.

Таким образом, этот краткий обзор положения казахских обществ Петропавловска показывает, что они постепенно адаптировались к особенностям региональной экономики, развивали разные формы мусульманской благотворительности. При этом казахи, очевидно, были меньше чем татары обременены разными бюрократическими формальностями. Многие вопросы они решали на уровне согласования с местными властями, не взаимодействуя с ОМДС и его руководством в лице МВД.

Мусульмане Петропавловска на распутье: революционные события 1917 г. и Гражданская война

Революционные события 1917 г. и последующая Гражданская война обострили вопросы социально-экономического и духовного развития мусульманских обществ Петропавловска. С марта по ноябрь 1917 г. управлением города фактически занимался местный городской исполнительный комитет. Затем к власти приходят большевики. С лета 1918 по октябрь 1919 г. регион находился под контролем А. В. Колчака и являлся по сути тылом Белой армии⁵⁸. Какую власть признали мусульмане? 12 апреля 1918 г. нарком по делам национальностей РСФСР И. В. Сталин и глава Мусульманского комиссариата при Наркомнаце РСФСР М. Вахитов подписали распоряжение о роспуске Милли Идарэ – Национально-культурной автономии тюрко-татар Европейской части России и Сибири. Диния Назараты – ведомство по делам религии, входившее в состав этой автономии, осудило это решение советской власти. Муфтий Г. Баруди и казии этого учреждения в августе 1918 г. покинули Уфу и уехали в Петропавловск⁵⁹. С этого времени и вплоть до конца апреля 1919 г. город стал основным центром, осуществлявшим институциональный контроль над жизнью мусульман⁶⁰.

В период разрухи и экономического кризиса, возникших вследствие революционных событий 1917 г. и Гражданской войны, мусульмане Петропавловска вынуждены были искать дополнительные источники для финансирования своих институтов. Одним из таких источников была организация благотворительных спектаклей. Газета «Приишимье» сообщала, что 27 июня 1918 г. мусульманское демократическое музыкально-драматическое общество поставило благотворительный спектакль. Было собрано 3 593 рубля. 40 % от этих средств пошли на нужды мусульманской школы, действовавшей при пятой мечети, 35 % выделены в качестве помощи пострадавшим в ходе «переворота» (то есть речь идет об октябрьской революции 1917 г. – П. Ш.), 25 % поступило в кассу общества⁶¹.

Не имея материальных возможностей для того чтобы наладить деятельность жизненно важных объектов города (промышленных предприятий, учреждений культуры и образования, транспорта и др.), городской исполнительный комитет вынужден был обращаться за помощью к представителям торгово-предпринимательских кругов. Так, в июле 1917 г. благодаря такой поддержке удалось собрать сумму в размере 2 475 рублей. Средства выделили: представители товарищества мукомолов Г. М. Давлеткильдеев, А. Х. Бурнашев, товарищества Штенберг Ф. Бегишев и др.⁶².

В ходе Гражданской войны крупные татарские купцы и предприниматели открыто поддерживали действия Белой армии. Известно, например, что 12 декабря 1918 г. Х. Тюменев и С. Муратов пожертвовали на нужды армии 25 пар сапог⁶³.

В 1918 г. активизирует свою деятельность уездное земство. Если в имперский период мусульмане Казахской степи не получали дотаций от земств, то в годы Гражданской войны эта ситуация претерпевает изменения. 22 декабря 1918 г. петропавловское уездное земство принимает решение об открытии 50 казахских мектебов. Кроме этого, областная земская управа совместно с казахским обществом «Талап» открывают казахскую библиотеку в Петропавловске и обсуждают вопрос о выделении необходимых субсидий⁶⁴.

Таким образом, мы видим, что несмотря на сложные события этого времени религиозная и культурная жизнь мусульман продолжает развиваться. Мусульмане гибко адаптируются к сложившимся изменениям и находят дополнительные источники для финансирования своих институтов. Одновременно с этим власть более открыто, чем прежде начинает сотрудничать с исламом. С одной стороны, это сотрудничество связано с необходимостью найти важных союзников и в том числе идеологическую силу, способную сплотить общество для борьбы с советской властью. С другой стороны, в годы революции и Гражданской войны начинают функционировать земства, а сама территория Казахской степи возвращается под юрисдикцию преемника ОМДС – Диния Назараты.

* * *

Мусульманская благотворительность в XIX – начале XX в. не развивалась по каким-то однообразным и стандартным сценариям. Она имела множество региональных особенностей. Именно поэтому мы решили взять в качестве примера Петропавловск. Этот город был одним из крупных центров мусульманской культуры Российской империи. В регионе располагалось много промышленных и торговых заведений, немалая часть которых принадлежала мусульманам. Этот фактор оказывал серьезное влияние на возможности прогрессивного развития мусульманских обществ. Однако наличие средств необходимых для финансирования исламских институтов не всегда было ключевым фактором. Требовались специальные органы, способные эффективно распоряжаться материальными ресурсами и в то же время внести порядок в хозяйственные и административные дела. Такие институты, получившие название попечительских советов, как мы увидели, не получили в силу разных обстоятельств большого распространения в Петропавловске. В итоге это усугубило ряд местных проблем. Прежде всего, связанных с благоустройством культовых зданий, реформированием местных учебных заведений, выстраиванием диалога с имперскими властями и др.

В годы революции и Гражданской войны мусульмане Петропавловска столкнулись с целым рядом проблем: продовольственный дефицит, разруха, мобилизация местных ресурсов для нужд фронта и др. Несмотря на это они, тем не менее, смогли адаптироваться к изменениям и поддержать развитие своих институтов. Более того, местные торгово-предпринимательские круги оказывали финансовую помощь предприятиям и объектам инфраструктуры города, обеспечивали снабжение армии. В это же время государство попыталось выстроить более прочный диалог с мусульманами, рассчитывая, прежде всего, в их лице найти союзников для борьбы с советской властью. Образуется петропавловское уездное земство, которое начинает выделять средства для открытия казахских школ и культурных учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. – Ташкент, 1983. – С. 124.
2. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК), ф. 369, оп. 1, д. 3696, л. 51.

3. Махматов З. А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. – Казань, 2015. – С. 19.
4. Баруди Г. Кызыльяр сәфәре. – Казан, 2004. – Б. 86-99.
5. Чала (шала) казахи – этносоциальная категория, образовавшаяся в результате браков казахов с татарами и населением, приехавшим из Средней Азии (см.: Наврузов М. Г. Себерияда мөселманлар вә башка милләтләр // Сибиря. – 1913. – № 62. – Б. 2-3).
6. Наврузов М. Г. Күрс. хез. – Б. 2-3.
7. Dudoignon S. A. Status, strategies and discourses of a Muslim «clergy» under a Christian law: Polemics about the collection of the Zakat in late Imperial Russia // Islam in politics in Russia and Central Asia, early 18-th – late 20-th centuries. Ed. Stephane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. – London-New York, 2001. – P. 50-51.
8. В округ ОМДС входили обширные территории: Волго-Уральский регион, Европейская часть, Сибирь, Дальний Восток, Казахская степь, в также Польша и Финляндия (см.: Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа, 1999).
9. Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX века. – Уфа, 2000. – С. 10-13.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 916, л. 37-38.
11. Гильмутдинов Д. Р. Ислам и государство в средневожском регионе России в 1870-1917 гг. (на материале Казанской губернии). Дис. канд. ист. наук. – Казань, 2005. – С. 87-96; Как справедливо отмечает Ч. Х. Саматова, меры по контролю над мусульманским образованием являлись примером бюрократической разобщенности и в реальности не имели успеха (см.: Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Казанского учебного округа). – Казань, 2013. – С. 56-58).
12. Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860-1905 гг. – Казань, 2004; Nagaiwa N. Designs for Dar al-Islam: Religious Freedom and the Emergence of a Muslim Public Sphere, 1905-1916 // Religious Freedom in Modern Russia. Ed. Randall A. Poole and Paul W. Werth University of Pittsburgh Press. – 2018. – P. 161, 176. Shabley P. A Kazakh Muftiate or Orenburg Muslim Spiritual Assembly: The Shape of Public Opinion in the Expanses of the Empire (Second Half of the Nineteenth – Beginning of the Twentieth Century) // Russian Studies in History. – 2021. – Vol. 59. – No. 4. – P. 292-309.
13. Материалы по истории политического строя Казахстана. – Т. 1. – Алма-Ата, 1960. – С. 339-340.
14. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. И-295, оп. 6, д. 4036, л. 1-5 об.
15. См. данные, приведенные в таблице.
16. Ross D. Muslim Charity under Russian Rule: Waqf, Sadaqa, and Zakat in Imperial Russia // Islamic Law and Society. – 2017. – Vol. 24. – № 1-2. – P. 97.
17. Г. Баруди называет имя еще одного благотворителя – бухарца хаджи Гали бая б. Чалтарбая, выделившего в пользу третьей мечети 7 тысяч рублей. Очевидно, этот вакф не был зарегистрирован в ОМДС, так как он не упоминается в официальных источниках (см.: Баруди Г. Кызыльяр сәфәре... – Б. 91).
18. См. анализ таких тенденций: Ross. Muslim Charity under Russian Rule: Waqf, Sadaqa, and Zakat in Imperial Russia. – P. 77-111; Шаблей П. С. Российская империя и мусульмане Семи-палатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // Ab imperio. – 2019. – № 3. – С. 57.
19. В 1900-1901 гг. зафиксировано шесть обращений, в 1905 г. – пять (см.: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 626, л. 87 об, 157 об, 307, 308 об, 419; д. 630, л. 47, 164, 181 об, 325, 346).
20. Sartori P. Vision of Justice: Shari'a and Cultural Change in Russian Central Asia. – Leiden, 2016. – P. 220-249.
21. О такого рода связях сообщает целый ряд мусульманских источников (см.: Баруди Г. Кызыльяр сәфәре...; Мәржани Ш. Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар. – Т. 2. – Казан, 1900; Фәхредин Р. Эсәр. – Т. 1-4. – Казань, 2006-2010; Ғылмани С. Заманамызда болған ғүламалардың ғұмыр тарихтары. – Т. 1. – (Biographies of the Islamic Scholars of our Time. Vol. 1). – Жауапты шығарушылар: Ә. Қ. Муминов, А. Дж. Франк. – Алматы, 2013).
22. Баруди Г. Кызыльяр сәфәре... – Б. 90.
22. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 916, л. 23-24.
24. Там же, д. 937, л. 117-124.

25. *Naganawa N. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammendan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. – 2006. – Vol. 23. – P. 115-116.*
26. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3257, л. 150-151 об.
27. В этом случае примечательна история, которая случилась в Акмолинске в 1912-1913 гг. В ее основе лежал конфликт между купцом Нурмухаммедом Забировым и имамом второй соборной мечети Худжатом Махмудовым. При этой мечети отсутствовал попечительский совет и Забиров как мутавалий распоряжался пожертвованиями мусульман. Фактически безотчетно. Махмудов в свою очередь ратовал за ограничение прерогатив Забирова, предлагая основные распорядительные функции сосредоточить в руках имама, а не купца. Дело закончилось тем, что купец обвинил своего соперника в распространении идей панисламизма и добился, тем самым, его устранения из Акмолинска (см.: *Себериялы Хөжжәт әл-Хәким Мәхмүдов. Ислах кютюбханеси. – Ч. 1-2. – Казан, 1914. – Б. 122-123, 133; Идарәткә мәктүп // Кояш. – 1913. – № 24. – Б. 5; ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 6003, л. 1-12).*
28. О такого рода конфликтах см.: *Шаблей П. С. Российская империя и мусульмане Семипалатинска... – С. 47-87.*
29. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3257, л. 146.
30. *Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа, 1999.*
31. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3257, л. 149.
32. В 1905 г. главным образом усилиями акмолинского уездного начальника Нехорошкова было сфабриковано дело о так называемом религиозно-протестном движении среди казахов и татар Акмолинской области. Центром этого движения объявлялся город Петропавловск. Интересно, что среди подозреваемых лиц значились такие влиятельные лица как купцы Хусайн Бегишев и Нурмухаммед Забиров, а также имам третьей мечети Петропавловска Мухаммеджан Бегишев (см.: ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 780, л. 12-13, 29-30). В этом плане вызывает некоторое удивление то обстоятельство, что петропавловский полицмейстер в 1915 г. не стал придавать какого-либо внимания этому делу. Он фактически проигнорировал политические подозрения, образовавшиеся вокруг члена попечительского совета Мухаммеджана Бегиева.
33. ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 3257, л. 148.
34. *Werth P. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. – Oxford University Press, 2014. – P. 215-224.*
35. *Мөгаллим Гәбдулла Мансури. Вакуф әйтү // Вакыт. – 1909. – № 473. – Б. 3.*
36. *Вакыт. – 1912. – № 1094. – Б. 2-3.*
37. *Махмүтов З. А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области... – С. 20.*
38. *Шаблей П. С. Семья Яушевых и ее окружение: ислам и дилеммы властных отношений в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Acta Slavica Iaponica. – 2017. – Vol. 38. – P. 34-36.*
39. Так, в газете «Приишимье» в мае 1913 г. сообщалось, что в старометодном мектебе «у учителя в руках палка, которой он вдавливают учение в голову ученикам» (см.: *Среди мусульман // Приишимье. – 1913. – № 79. – С. 3).*
40. Там же.
41. К сожалению, нам не удалось найти сведений о том, чем закончилась история с учреждением попечительского совета в первой махалле Петропавловска.
42. *Тормыш. – 1918. – № 788. – Б. 3.*
43. *Шаблей П. С. Семья Яушевых и ее окружение... – С. 34-35.*
44. *Бикчентаев Ш. Тәрбиямыз мәктәпләре // Вакыт. – 1914. – № 1436. – Б. 3-4.*
45. См. такого рода публикации: *Наврузов М. Г. Себерияда мөселманлар вә башка милләтләре // Сибиря. – 1913. – № 62. – Б. 2-3; Приишимье. – 1913. – № 108. – С. 3; Петропавлда китапханә // Кояш. – 1913. – № 20. – Б. 3.*
46. *Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды. 1905-1906 гг. – Нижний Новгород, 2005. – С. 8; Бигиев М. Ислахат әсәсләре. – Петроград, 1915. – Б. 13.*
47. См. об этом выше.
48. Ислам придает особое значение личной чистоте – тахарат. В этом смысле соблюдение чистоплотности – это очищение от духовной скверны (хадас) и материальных нечистот (наджас), которые препятствуют намазу.

49. Наврузов М. Г. Себерияда мөселманлар вә башка милләтләре... – Б. 2-3.
50. Frank A. and Usmanov M. Materials for the Islamic History of Semipalatinsk: Two manuscripts by Ahmad-Wali al-Qazani and Qurban Ali Khalidi // ANOR – 11. – Berlin, 2001. – P. 24; Себериялы Х. Мәхмүдов. Заманамызның әдип вә мөхәррирләринә гайд // Өлфәт. – 1906. – № 34. – Б. 4-6.
51. Ақан сері Қорамсаұлы. Көкшетауда Науан молда мен Хамидолла ноғай молдасы бақас болғанда, Хамидоллаға Ақан серінің айтқаны // Ақан сері Қорамсаұлы, Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы, Балуан Шолақ Баймырзаұлы. Шығармалары. – Алматы, 2014. – Б. 97-99.
52. Вакыт. – 1912. – № 1087. – Б. 3.
53. См.: Рахимкулова М. Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге. – Оренбург, 1997; Шаяхметов Н. У. Роль медресе «Галия» в казахском обществе в начале XX века. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://davaiknam.ru/text/role-medrese-galiya-v-kazahskom-obshestve-v-nachale-hh-veka>.
54. Интересно, что не только мусульманские, но и некоторые русские источники считали джатаков (в отличие, вероятно, от обычных кочевых казахов) проводниками идей ислама в Казахской степи. Так, русский дьякон Н. Саркин в начале XX в. писал, что если татары по каким-то причинам не могут попасть вглубь степи для распространения ислама, «их охотно заменяют джатаки, в особенности, если покровительствуют им богатые татары» (см.: Саркин Н. Об употреблении спиртных напитков у казак-киргизов // Деятель. – 1905. – № 21. – С. 502).
55. Вакыт. – 1910. – № 574. – Б. 3.
56. Нурбаев М. Петропавлда казакъ мәдрәсәләре // Сибиряк. – 1913. – № 101. – Б. 2.
57. См. подробнее анализ таких тенденций: Dudoignon S. A. Status, strategies and discourses of a Muslim «clergy» under a Christian law... – P. 58-59.
58. Белетченко И. С. и др. Северо-Казахстанская область. Страницы летописи родного края. – Алматы, 1993. – С. 132-146.
59. Хабутдинов А. Ю. Духовные управления в годы мировых войн и тоталитаризма (1917-1950). Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.islamsng.com/rus/pastfuture/279> (дата посещения 02.05.2022).
60. Приишимье. – 1919. – № 89. – С. 3.
61. Там же. – 1918. – № 50. – С. 4.
62. Степная речь. – 1917. – № 161. – С. 2.
63. Приишимье. – 1918. – № 128. – С. 3.
64. Там же. – № 133. – С. 3.

Список литературы

- Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. – Уфа, 1999. – 189 с.
- Азаматов Д. Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX века. – Уфа, 2000. – 101 с.
- Гильмутдинов Д. Р. Ислам и государство в средневожском регионе России в 1870-1917 гг. (на материале Казанской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 194 с.
- Загидуллин И. К. Татарское национальное движение в 1860-1905 гг. – Казань, 2004. – 423 с.
- Зияев Х. З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XIX вв. – Ташкент, 1983. – 171 с.
- Махмутов З. А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области история и этнические процессы. – Казань, 2015. – 156 с.
- Саматова Ч. Х. Имперская власть и татарская школа во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Казанского учебного округа). – Казань, 2013. – 236 с.
- Шаблей П. С. Российская империя и мусульмане Семипалатинска: дисбаланс власти и неоднородные общества в конце XIX века // Ab imperio. – 2019. – № 3. – С. 47-87.

References

- Azamatov D. D. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII-XIX vv.* [The Orenburg Muslim Spiritual Assembly in the late 18th – 19th century]. Ufa, 1999, 189 p.
- Azamatov D. D. *Iz istorii musulmanskoj blagotvoritelnosti. Vakufy na territorii Evropeyskoj chasti Rossii i Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka* [Excerpts on the history of Muslim charity. Waqfs in the European part of Russia and Siberia in the late 19th – early 20th century]. Ufa, 2000, 101 p.

Gilmutdinov D. R. *Islam i gosudarstvo v srednevolzhskom regione Rossii v 1870-1917 gg. (na materiale Kazanskoy gubernii)* [Islam and government in the Middle Volga region of Russia in 1870-1917 (a case study of Kazan province)]. Diss. Cand. Hist. Sc.. Kazan, 2005, 194 p.

Zagidullin I. K. *Tatarskoe natsionalnoe dvizhenie v 1860-1905 gg.* [Tatar national movement in 1860-1905]. Kazan, 2004, 423 p.

Ziyaev Kh. Z. *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibiryu v XVI-XIX vv.* [Economic ties between Central Asia and Siberia in the 16th -19th centuries]. Tashkent, 1983, 171 p.

Makhmutov Z. A. *Tatary g. Petropavlovskaya i Severo-Kazakhstanskoy oblasti: istoriya i etnicheskie protsessy* [Tatars of Petropavlovsk city and North-Kazakhstan region: history and ethnic processes]. Kazan, 2015, 156 p.

Samatova Ch. Kh. *Imperskaya vlast i tatarskaya shkola vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialah Kazanskogo uchebnogo okruga)* [Imperial power and Muslim school in the second half of the 19th – early 20th century (a case study of the Kazan Educational District)]. Kazan, 2013, 236 p.

Shabley P. S. *Rossiyskaya imperiya i musulmane Semipalatinska v kontse 19 veka: disbalans vlasti i neodnorodnye obshchestva* [The Russian Empire and Muslims of Semipalatinsk in the late 19th century: power imbalance and heterogeneous communities]. IN: *Ab Imperio*, 2019, no. 3, pp. 47-87.

Dudoignon S. A. Status, strategies and discourses of a Muslim “clergy” under a Christian law: Polemics about the collection of the Zakat in late Imperial Russia. IN: *Islam in politics in Russia and Central Asia, early 18th – late 20th centuries*. Ed. Stephane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. London – New York, 2001, pp. 47-69.

Naganawa N. Molding the Muslim Community through the Tsarist Administration: Mahalla under the Jurisdiction of the Orenburg Mohammendan Spiritual Assembly after 1905. IN: *Acta Slavica Iaponica*, 2006, vol. 23, pp. 101-123.

Ross D. Muslim Charity under Russian Rule: Waqf, Sadaqa, and Zakat in Imperial Russia. IN: *Islamic Law and Society*, 2017, vol. 24, no. 1-2, pp. 77-111.

Sartori P. *Vision of Justice: Shari‘a and Cultural Change in Russian Central Asia*. Leiden, 2016, 392 p.

Werth P. *The Tsar’s Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford University Press, 2014, 289 p.

Сведения об авторе

Шаблей Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Костанайского филиала Челябинского государственного университета, e-mail: pavel-shablei@list.ru

About the author

Pavel S. Shabley, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Kostanay branch of Chelyabinsk State University, e-mail: pavel-shablei@list.ru

В редакцию статья поступила 04.05.2022, опубликована:

Шаблей П. С. Мусульманская благотворительность в Петропавловске в XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 2. – С. 6-21.

Submitted on 04.05.2022, published:

Shabley P. S. *Musulmanskaya blagotvoritelnost’ v Petropavlovsk v XIX – nachale XX v.* [Muslim charity in Petropavlovsk in the 19th – early 20th century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 2, pp. 6-21.